

Одиннадцать целых, восемь десятых.

(фантастический рассказ)

Майор Ильяс Мамедов за свои 27 лет службы в полиции всякого повидался и слышался и потому не был удивлён и сегодняшней «новости». Сержант Абдуллаев только что сообщил ему об убийстве сына Искендера Тагиева, министра экономического развития. С Именем Тагиева старшего связано теперь многое – олигарх (бек) и министр, министр экономического развития, говорят «прикупивший» целый район Азербайджана в коммерческих целях, а также, ныне, владеющий рядом торговых и бизнес-центров, гостиниц и сеть супермаркетов в самом Баку. «Собственное экономическое развитие он организовал отлично, а вот республика...» - подумал Мамедов и тяжело вздохнул. Он помнил те лозунги, которые предшествовали развалу Союза: «Став независимым, Азербайджан расцветёт! Мы больше не будем кормить Москву! Да здравствует суверенный Азербайджан!» - все эти мысли проносились в голове майора и невольно приводили к сравнению с сегодняшней ситуацией. А ведь он ещё не утратил в это веру.

Как-то один знакомый старик сказал ему, что ныне Азербайджан напоминает поле, заросшее сорными травами, на месте полезных злаков теперь растут одни сорняки, большие как деревья, помельче как кустарники и совсем мелкие сорняки, которые не дают пробиться к свету пшеничным колосьям, давят и душат их. Тогда он мало придавал значения словам аксакала, а теперь будто некий внутренний голос говорил ему: «А ведь старший Тагиев и есть один из больших сорняков, а его сынок сорняк поменьше» и «Спекулянты, чиновники-взяточники, наркоманы, бандиты – вот он «цветущий» Азербайджан», «Больше мы Москву не кормим, а большинство стало жить только хуже», «Суверенный Азербайджан, управляемый из Великобритании и США».

Но совесть у майора была где-то очень глубоко и лишь изредка, подобно искорке критической мысли вдруг прорывалась к поверхности сознания, чтобы вновь провалиться в небытие. Поэтому эти «крамольные» мысли быстро улетучились и на смену им пришли другие. «Орхан Тагиев, сын министра» и тут он вспомнил случай, который подобно сплетне был известен всем работникам бакинской полиции. Однажды, Орхан Тагиев, ночью, будучи в стельку пьяным ехал на своём джипе без номеров, причём ехал он соответствующим образом, а именно виляя от одного края дороги к другому, временами заезжая на тротуар, благо дело, что дорога была широкой и практически безлюдной. На свою беду, сотрудники ДПС¹ увидев такое дело, решили его остановить, причём они были почти уверены в том, что он не отреагирует на сигнал остановиться и им придётся ехать за ним с привлечением других патрульных машин. Но не тут то было. Тагиев остановил джип, вышел из машины с автоматом Калашникова, со словами: «Вы меня останавливаете? Да вы знаете, кто я? Меня останавливаете?» сопровождая их нецензурщиной в адрес ДПС-ников, которые пустились наутёк. Орхан же повторяя: «Меня

¹ ДПС – дорожно-полицейская служба (YPX – yol polis xidməti), служба наследница Советской ГАИ.

останавливаете? - так вас раз так» погнался за ними, стреляя из автомата. Благо дело, что пьяный не стрелок и поблизости не оказалось прохожих. За этот случай старший Тагиев выдал сынку хорошую взбучку, но для избалованного вседозволенностью Орхана потуги отца были что ворчание старой тетки, которую давно никто не слушает. И вот теперь этот молодой повеса был мёртв, убит.

Убийца был задержан и привезён в отделение. Это был худощавый молодой человек 24 лет, который в момент задержания находился в состоянии полной растерянности. Он ничего не отрицал и понуро отвечал на вопросы.

К Мамедову зашёл начальник оперативного отдела полковник-лейтенант² Ровшан Ахмедов и сказал:

- Принимай дело убийцы сына министра, Ильяс. Не завидую этому идиоту.

Взяв дело, майор распорядился чтобы к нему привели задержанного.

- Садись. – сказал Мамедов подозреваемому и когда тот сел, продолжил, - меня зовут Ильяс Мамедов, я буду вести твоё дело. Итак, Рыбин Игорь Васильевич, тысяча девятьсот девяностого года рождения, родился в городе Баку, проживает по адресу, улица Бакинская, 9. Всё верно?

- Да. – вполголоса ответил тот.

- Ну, что же, рассказывай всё в мельчайших подробностях, как и при каких обстоятельствах, произошло убийство?

- Мы с Юлей гуляли...

- Юля это твоя девушка? – прервал его майор.

- Да.

- Продолжай.

- И тут к нам подваливает тот тип. Не знаю откуда он взялся, подходит и говорит: «О какая джана. Пошли со мной, я тебя мороженым угощу». Я уже было двинулся на него, но Юля встала передо мной, - «Не связывайся, - говорит, - он же пьяный или обкуренный». Но он и не думал отступить: «Зачем тебе он нужен? – и на меня показывает, - У меня столько бабок, сколько этому тюфяку и во сне не привидится». «Шёл бы ты отсюда со своими бабками!» - сказал я теряя терпение, а он шагнул вперёд и попытался схватить Юлю за руку, тогда я не выдержал и ударил его кулаком по скуле. Тот упал, но при падении ударился головой о каменный бордюры и перестал двигаться. Я подошёл к нему, но тот, по видимому уже был мёртв. Юля закричала от испуга, а я остался стоять. Несколько прохожих женщин увели её. Кто-то вызвал скорую и полицию. Я был там, пока полицейские меня не привезли сюда.

² Полковник-лейтенант – в военизированных структурах буржуазного Азербайджана звание соответствующее подполковнику.

- Складно, рассказываешь, а я значит должен тебе верить? – спросил следователь.

- Это правда.

- Слушай ты, думаешь я не знаю что ты хотел ограбить Орхана? Не прикидывайся благородным рыца-рем.

Не договорив последней фразы, майор почувствовал, что обстановка вокруг изменилась. Они по-прежнему сидели за столом, но стены, пол, потолок всё вдруг стало другим. Вокруг оказались одни голые стены молочно-белого цвета, а также пол и потолок сделались такими же. Все предметы вокруг, кроме стола с лежащими на нём вещами и стульев на которых они сидели куда-то исчезли. Майор встал:

- Дежурный! – позвал он, - Дежурный! – повторил он громче после паузы, но никто не отозвался. Тогда майор подошёл к стене, где должна была быть дверь и снова громко сказал:

- Абдуллаев, где ты? Что это за шутки? Я веду допрос преступника, это не время для шуток! – но ему снова никто не ответил. Он дважды стукнул кулаком по стене, однако никакой реакции не последовало. Офицер покраснел от злости, повернувшись к Игорю, сделал два шага вперёд, как в правой стене засветился голубой прямоугольник и в этом месте открылся проход, через который в комнату вошёл человек. Он был среднего роста, с необычайно большими глазами. Лицо вошедшего было неестественного, бежевого оттенка. В руках он держал квадратную лиловую палочку. Майор готов был на него наброситься, ибо был уверен, что всё это приколы его сослуживцев, а это переодетый кто-либо из них. Но едва он попытался сделать резкое движение в направлении вошедшего, как неведомая ему сила, сковала его и заставила медленно пройти к столу и сесть на свой стул.

- Кто вы? И что всё это значит? – спросил Мамедов.

Вошедший не обращая на него внимания, подошёл ближе, затем провёл перед лицом каждого лиловой палочкой снизу вверх, после чего вышел в тот же проход, который сразу же исчез. Следователь, выйдя из оцепенения, тут же бросился к стене, в которой только что был проход, но она была совершенно гладкой и не содержала ни малейшего намёка даже на стык. Он вернулся на своё место, по-прежнему не понимая, что происходит. Прошло минут пятнадцать, как в противоположной стене открылся точно такой же прямоугольный проход и оттуда пришли двое, первый тот, что уже был здесь и второй, чуть ниже ростом.

- Кто вы? – спросил полицейский.

- Прошу простить нас за ваше похищение, но не о чём не переживайте, вы вернётесь на то же место и в то же время. Мы исследователи разума различных существ обитающих во Вселенной. Ваш биологический вид на редкость сложен и противоречив. Наша цель состоит в выявлении лучших качеств разумных видов, как интеллектуальных, так и

нравственных. Качество подразумевает социальную полезность индивидов и определяется КОО. – ответил первый.

- Мы определили ваш КОО. – сказал второй, обращаясь к Игорю, - у вас он равен нулю целых семи десятым.

- А что это КОО? – спросил парень.

- Коэффициент общественной опасности.

- Нуль целых и семь десятых это много?

- Нет, за норму принимается единица. В вашем же случае, спонтанная агрессия, которая тянет на двойку, скомпенсирована в минус вашей социальной, или как у вас говорят ещё, гражданской пассивностью. То есть говоря яснее, вас мало волнует политическая ситуация в стране, в которой вы живёте, а следовательно и судьба вашей Родины и её народа.

- А что вы мне посоветуете делать?

- Учится политической грамотности.

Майор подумал: «Далась ему политическая грамотность, особенно учитывая, что, не известно увидит ли он когда-либо свободу или нет» и усмехнулся. Затем обратился к исследователям:

- А каков у меня коэффициент?

- Одиннадцать целых, восемь десятых, - ответил второй пришелец.

- Да вы что?! – возмутился майор, - У убийцы до единицы не дотягивает, а у меня почти двенадцать... Я страж закона, я офицер полиции...

- Да, это как раз одна из причин столь высокого КОО. – сказал первый, - но если вы сомневаетесь в правильности нашей оценки, тогда смотрите сами, на основании чего она сделана.

С этими словами, пришелец сделал движение ладонью, подобно тому, как протирают запотевшее стекло и в воздухе возник прямоугольный экран, со светящимся бледно голубым кантом. Изображение, возникшее на экране имело, звуковое сопровождение, майор смотрел на картины из собственной памяти потя и краснея:

- вот он молодой лейтенант на первом дежурстве, привели подвыпившего мужика в дежурку, он видел, как один из сержантов подсовывает наркотики.³ Он лишь поинтересовался, у тогдашнего своего начальника, с какой целью это делается, на что получил ответ: «Мы же должны отчитываться, чем больше будет раскрыто преступлений,

³ Трудно доказуемое преступление сотрудников полиции, как говорят в народе «на план» или с целью устранения неугодных для определённых чиновников, или буржуазного государства лиц. Подбрасывание наркотиков и «хулиганство» - наиболее часто практикуемые виды навешиваемых дел.

тем лучше. И не бери в голову, от этого пьяницы только головная боль, так что пусть посидит, это ему будет на пользу»;

- вот он в первый раз присутствует на допросе, где из подозреваемого выбивают признания тумаками и пощёчинами. В первое время он пытался не допускать избиений, но начальство советовало ему не вмешиваться, наставительно говоря, что он ещё неопытен и плохо понимает специфику работы в полиции. Видел он и то, как относятся к различным преступникам, если он из «простых граждан» и за ним никто не стоит, то ему будет стоить больших трудов, доказывать свою невиновность и далеко не у каждого хватает стойкости противостоять психологическому и физическому давлению. И совсем другой разговор бывает, если речь идёт о чьём-нибудь сынке - его никто пальцем не тронет, а если он ещё и натворил что-то серьёзное так это праздник для высших чинов – папаша изрядно раскошелиться, чтобы выручить своего отпрыска;

- на следующей картине он уже старший лейтенант и сам допрашивает подозреваемого. Случай простецкий, подвыпивший парень подрался со стариком прохожим, сделавшим ему замечание. Теперь важно одно – хёрмят⁴, будет хёрмят, значит его отпустят, нет оформят по полной. Тогда хёрмят был;

- а вот он уже капитан и к нему попадает девушка, - Мамедов радуется⁵, теперь главное не упустить «инициативу» перед другими сотрудниками и он не упустил, хотя был уже женат и имел двоих детей.

Инопланетянин показывал и другие моменты из жизни майора, в частности, где он сам занимается рукоприкладством, вымогательством, прикрывает притон наркоманов и берёт за это мзду, сопровождая изображения нравоучительными комментариями. Ильяс чувствовал, что сейчас с ним говорит не пришелец из космоса, а его собственная совесть, возымевшая голос пришельца.

- Хватит! – вскричал майор, расстёгивая галстук на взмокшей шее. Он был красный от волнения и пот катил с него градом.

Сделав паузу после окрика, майор обратился к инопланетянам:

- Разве я один такой? Разве другие лучше? Вон Ахмедов, он дольше меня служит, разве он не такой?

Майор в одночасье вдруг понял всю порочность института полиции, порочность самой системы и то о чём он раньше «просто знал» теперь раскрылось перед ним в своём неприкрытом омерзительном виде: «Я чудовище, среди таких же чудовищ, один из

⁴ Хёрмят (азерб. hörmət) – букв. «уважение», но в обиходе также имеет значение «взятка», отсюда, «сделать хёрмят» значит дать взятку. Наряду с «хёрмят» есть ещё и слово «ширинлик» (şirinlik) – букв. «подслащение» подразумевает мелкую взятку, наподобие коробки конфет или небольшой денежной суммы.

⁵ Редко когда девушка, попав в руки полиции, не подвергается, угрозам быть изнасилованной, стать жертвой насилия, или, по меньшей мере, принуждения к сожительству. Исключением может быть разве, что если за «делом» следит пресса, выясняется что она родственница кого-либо из офицеров полиции или других высокопоставленных или просто состоятельных лиц.

винтиков чудовищной машины» - подумал он и прикрыл лицо ладонями, как делает человек в глубоком отчаянии. Спустя несколько секунд майор отвёл руки от лица, но его взору предстал его кабинет и сидящий напротив Игорь. С коридора доносились звуки шагов и голоса полицейских. «Уж не галлюцинации ли это были? Раньше я ничего подобного за собой не замечал» - подумал Мамедов.

- Я никогда не думал о себе как о ничтожестве... - проговорил Игорь, - а теперь когда я знаю что нужно делать, меня посадят... А ведь ОНИ наверное могли помочь...

«Значит не галлюцинация. Что теперь делать?» - эти мысли было уже не отогнать. Наконец немного придя в себя, он сказал парню:

- Я постараюсь сделать всё что смогу, все, что от меня зависит, чтобы тебе помочь. Никому не говори о том, что с нами было, иначе нас обоих сочтут за сумасшедших.

- Но что вы сможете сделать? Ведь наверняка отец того типа не даст мне житья...

- Не волнуйся, сейчас надо сделать так чтобы твоя история попала в прессу, чтобы о ней узнали в Комиссии по правам человека и других международных правозащитных органах. У меня есть знакомый журналист, хотя он и тварь дрожащая, но может, сможет посоветовать тех, кто посмелее. Пока посидишь в КПЗ, я позабочусь, чтобы тебя не обижали, а главное нигде не болтай лишнего.

- Я понял, - ответил Игорь.

- Дежурный! – позвал майор. Тот открыл дверь, - уведи задержанного и скажи там, чтобы его не трогали, если спросят, скажи, я приказал.

Парня увели. Ильяс тут же связался с журналистом, о котором говорил ранее, тот пообещал связать его с парой ребят из оппозиции, которые по его словам только и ищут подобные случаи. Через некоторое время ему позвонили, и он договорился и с ними. Позвонил знакомому адвокату, которого знал как наиболее честного и смелого, и меньше всех, по его мнению, погрязшему в коррупции. Параллельно, посредством интернета он подал анонимные заявки в Комиссию по правам человека, местному Омбудсмену и в «International amnesty». Остаток дня прошёл для него в затянувшемся ожидании его окончания. Он действительно сдержал слово, и подготовил все документы, анонимно ознакомил прессу со всеми деталями дела, включая все известные ему факты из жизни отца и сына Тагиевых. Затем попросил у начальства трёхдневный отпуск.

Пока он хлопотал по делу Игоря, а надо сказать, что он отдавался этому делу со всей душой, ему некогда было думать о другом, но теперь, когда всё что от него зависело, он сделал, муки совести вновь стали подступать к нему. Дома ему было невыносимо, жена, видя что муж, постоянно о чём-то думает, стала приставать к нему с вопросами и он глядя ей в лицо думал: «Сможет ли она меня понять, если я ей всё расскажу?» и сам себе в уме отвечал: «Нет, не сможет, скорее, скажет, что я идиот, что все живут в этой системе и что если я буду бороться за правду, меня, в конце концов, выгонят с работы, а без денег я ей не нужен», поэтому старался отмолчаться или говорил что просто нет настроения.

Утром он вышел из дома одетый в гражданское и пошёл, не задумываясь о цели, просто шёл, рассматривая идущих навстречу людей. Им вдруг обуяло небывалое чувство вины перед всеми ими. Ему хотелось подойти к каждому встречному и попросить прощения, и только сознание нелепости подобного поступка, удерживало его от этого шага. Пройдя несколько кварталов, он стал очевидцем такой сцены:

На скамейке сидела старуха и просила милостыню. «Да поможет тебе Аллах. Да хранит тебя Аллах.» - жалобно взывала она к прохожим протягивая руку. Женщина была ушлой и знала своё дело. Мимо проходил мужчина средних лет.

- Во имя Аллаха, помоги мне. – обратилась к нему старуха. Тот остановился и язвительно сказал ей:

- Если Аллах тебе не помогает, то кто я, чтобы вмешиваться в его дела. – сказав это, мужчина собрался уходить, но Ильяс остановил его и спросил:

- Тебе что жалко дать старухе несколько копеек? Пусть Аллах поможет ей твоими руками.

Тот смерил его взглядом, как бы желая узнать, насколько адекватен обратившийся к нему и видимо догадавшись что перед ним не религиозный фанатик ответил:

- Если допустить что Аллах существует и может делать что-то моими руками, то это значит, что он действует вопреки моей воле, а, следовательно, у меня нет свободы выбора. Это также и означает что у меня не может быть собственных мыслей, а значит я и как личность не существую. А это не соответствует действительности. Конечно, мне не жалко нескольких копеек, но меня все эти религиозные уловки, ханжество так достали, что и передать трудно. Да и помогать надо тем, кто действительно нуждается, а не таким вот профессиональным попрошайкам.

Наверное, в другое время такая филиппика вызвала бы у майора совсем другую реакцию, но теперь его будто снова как бы встряхнули ото сна. Он всегда был верующим, хотя считал что чрезмерная религиозность никчему. Сейчас ему как никогда стало ясно, что вся его вера, его религия исчерпывается признанием существования Аллаха. Ильяс поймал себя на мысли о том, что он, плывя по течению жизни, принял веру в Аллаха как дань традиции – все друзья, знакомые, сослуживцы верят и я также. Никогда не спрашивал себя: а существует ли Аллах? А если существует, то почему в мире столько беззакония и несправедливости? Или он есть, но ему наплевать на нас? – а если так, то зачем он нам нужен? – ради загробного блаженства? – но никто никогда не возвращался с того света и не рассказывал как там. Всё это напоминает некую сказку, сказку для взрослых, самообман на протяжении всей жизни. Что измениться в нашей жизни, если мы перестанем в это верить? – Станем менее нравственны? – да куда уж менее, порой, кажется, что мы уже достигли морального дна. Нет, ничего от этого не измениться.

С такими мыслями он незаметно для себя прошёл ещё несколько кварталов и встретил сидящего на скамейке возле дома знакомого аксакала, того самого что когда-то говорил ему про сорняки.

- Салам алейкум, Чингиз-киши.⁶ Как здоровье?

- Салам, салам Ильяс. Спасибо, какое у старика здоровье. Присядь, побеседуем.

Майор сел рядом с аксакалом. Старик расспросил его о домашних, о детях, но затем перевёл разговор на политику:

- Кто бы что не говорил, а Сталина нынче ой как не хватает. Он бы им всем показал, как над людьми измываться. Это надо ж законы придумывать, чтобы с народа деньги вымогать. Нефть есть, газ есть, денег на всех хватать должно, а у нас нищие по улицам ходят. Вот скажи разве это правильно?

Мамедов покачал головой.

- Вот видишь, а был бы Сталин, была бы и справедливость. – продолжил старик.

- Да, только, сколько невинных людей он расстрелял, всех наших аксакалов, кстати.

- Эти аксакалы, как ты их назвал, были дурные люди и большинство из них понесли наказание заслуженно. Все кто проповедует национализм, плохо кончают. – парировал дед.

- Так разве любить свою нацию плохо? – спросил полицейский.

- Нет, неплохо, но ставить её выше других – вот это плохо и недостойно. Вспомни Гитлера и как он кончил всеми проклинаемый. Нет, Ильяс. Из-за них наш народ уже хлебнул горя в Карабахе, нельзя нам давать им волю. Если бы не националисты, наши и армянские то и не было никакой карабахской войны, никакой резни. Это всё их гордыня и кровожадность. Сколько лет мы мирно прожили. Вот посмотри на эти дома, видишь вот этот дом через дорогу, там Арам жил, армянин, а какой часовой мастер был, все к нему часы на починку носили. Хорошим человеком был. А вон в том доме, чуть дальше, вглубь двора, там Осип Маркович жил, еврей, именитым портным был. И русских здесь много было и татар, и никто никого не обижал, все как добрые соседи жили.

«Вот ведь оно как. - думал майор, покидая деда, - И почему я раньше обо всем, об этом не задумывался. Я просто думал «как все», но выходит, что не все так думают, а их просто заставляют так думать, или правильнее НЕ ДУМАТЬ. Fikir adamı ..ir⁷. Значит, до них не достучаться. Всё в руках СМИ, а СМИ, в чьих руках? Но ведь у нас независимые СМИ. «Независимые» - размышляя над этим, майор горько усмехнулся, - от совести они действительно независимые».

Два дня бродил так майор по улицам города, открывая для себя всё то, что было с ним всегда, но он не придавал этому значения. Теперь он сожалел об этом. Было поздно,

⁶ Чингиз-киши – слово «киши» (азерб. «kişi») переводиться как «мужчина», но в данном случае служит приставкой к имени, в знак уважительного обращения к намного старшему по возрасту или просто к пожилому мужчине.

⁷ Азерб., «мысль имеет человека» - популярная в народе нецензурная поговорка, провозглашающая, что кто много думает, много болеет и рано умирает.

поздно что-либо менять в людях, да и не чувствовал он в себе сил и способности противодействия вселенскому злу охватившему умы. Собственное бессилие угнетало его, а муки совести за прошлые поступки в конец лишили майора покоя.

На следующее утро, он отправился на работу. Войдя в кабинет, он запер за собой дверь на ключ.

Резкий, громкий хлопок, знакомый всем полицейским, огласил отделение. Все бросились к кабинету Мамедова, откуда раздался выстрел, но дверь была заперта. Её высадили и вошли внутрь. На столе полулежал мёртвый майор. Кровь медленно растекалась по столу, подбираясь к листу бумаги, на котором рукой майора была сделана единственная надпись: «11,8».

20-22 марта 2014 г.